Дмитрий Сергеевич АФАНАСЬЕВ:

Мы поднимали авторитет Ульяновска

Я был шестнадцатым ребенком в семье

- Наконец-то, я на пенсии, но в душе по-прежнему молод, и кажется, что даже детство было вчера… Детские годы мои прошли в деревеньке Бухтеевка. Я был 16-м ребенком в семье, не такое уж удивительное по тем временам дело. Главные уроки о взаимовыручке, честности, уважении усваиваются тогда, когда ты еще под стол пешком ходишь, и я очень благодарен своим родителям за то, что за нашим столом было пусть и не слишком сытно, зато по-братски тепло.

Неподалеку располагался Ивановский детский дом. Один из его воспитанников - комсомолец Александр Матросов во время Великой Отечественной войны, закрыв своей грудью амбразуру вражеского дзота, стал Героем Советского Союза. Я очень гордился тем, что хожу в школу-семилетку, где учился Герой. Даже упросил принять меня в комсомол на год раньше, очень уж хотелось стать, «как Матросов».

Комсомол тогда был силой. Это ощущалось и на ульяновском заводе № 280, где я прошел трудовую закалку, и в политехническом институте, комсомольским лидером которого меня избрали в 1969 году. Здесь я получил первые навыки управления, приобрел друзей-единомышленников. Среди них - Валера Порунов, с которым мы по сей день вместе идем по жизни. Ректор Василий Андрее-

Визитка

Родился 21 марта 1943 г. в д. Бухтеевка Ульяновского района Ульяновской области. Окончил Ульяновский политехнический институт (1970 г.) и Высшую партшколу при ЦК КПСС (1977 г.).

Трудовую деятельность начал в 1959 г. на Ульяновском заводе № 280 (приборостроительном), где работал бетонщиком, токарем. В Ульяновском политехническом институте был лаборантом, научным сотрудником, председателем профкома, секретарем комитета ВЛКСМ. С ноября 1971 г. - первый секретарь Ульяновского горкома комсомола. С 1976 г. - на партийной работе, где прошел путь от первого секретаря Ленинского райкома партии до ответорганизатора ЦК КПСС. Затем 18 лет работал в банковских структурах.

Награжден орденом «Знак Почета» и другими наградами.

В Ульяновской области прожил более 40 лет. В Москве - с 1984 г.

Член Ульяновского землячества с 1997 г.

вич Андреев очень любил комсомол, во всем нас поддерживал, без согласования с комитетом ВЛКСМ не подписывал главные для студентов приказы - об отчислении из вуза или выселении из общежития. Это, конечно же, тешило наше самолюбие, но и ко многому обязывало.

С комсомольской «подачи» я оказался в гуще городской жизни. Дело было так. Как члена бюро горкома комсомола меня пригласили на банкет по случаю отъезда в Москву первого секретаря ГК Олега Ильина. Этого умницу, по всем природным данным - дипломата забрали на работу в ЦК ВЛКСМ. В застолье мы гадали, кому же доверят сменить Олега, официально в резерве стоял первый секретарь Ленинского РК ВЛКСМ Александр Беспалов. Но, видимо, не одни мы рассуждали на данную тему…

Утром неожиданно вызывает Юрий Горячев, комсомольский лидер области. «Лихо погуляли?.. Сегодня будет пленум горкома, как смотришь, если мы двинем тебя вместо Ильина?». Ошарашенный, я возразил, что есть глыбы мне не ровня - опытные секретари райкомов, к тому же летом я побывал в столице и определился с поступлением в аспирантуру Московского инженерно-строительного института.

Но времени на сомнения мне не дали. Через несколько минут я уже стоял перед всесильным первым секретарем обкома партии Скочиловым. Года за два до этого мы однажды встретились в институте. Анатолий Андрианович приехал на партийное собрание, где мне как секретарю комитета ВЛКСМ дали слово. Выступление получилось задиристым, с критикой парткома, отдельных преподавателей, вузовской газеты, столовой (рейды «Комсомольского прожектора» доказали: студентов еле кормят, а сотрудницы уходят с работы с полными сумками). После я сидел в зале с раскрасневшимся от смелости лицом. В перерыве зовут: «Быстро за сцену!». За кулисами ректор представляет меня Скочилову, которому мой задор, вероятно, приглянулся: «Молодец, так держать! Народному хозяйству нужны инженеры со здоровыми желудками».

1959 год. Первый парень на деревне!

Однако вузовским партлидерам моя критика явно не понравилась, на следующее собрание, где обсуждалось закрытое письмо ЦК КПСС, меня просто не пустили. Не прорвавшись «на баррикады», я просидел собрание в холле у знаменитой среди политехников 117-й аудитории. И через два дня подал заявление о вступлении в партию.

…Скочилов встал из-за стола, пожал руку, внимательно посмотрел в глаза: «Ну вот, будешь руководить городским комсомолом. Мы рекомендуем». А как же аспирантура? «Не ной. Ученых у нас полно, они как-нибудь без тебя обойдутся. Даем тебе

1978 год. Проводы ульяновских комсомольцев на XVIII съезд ВЛКСМ.

нелегкий хомут, смотри, если подведешь… Но мы знаем, кому доверяем: вырос ты в сельской семье, на заводе поработал, в институте помню твое выступление и как ты красный сидел. На́ тебе яблоко». Взял со стола большое красное яблоко и протянул мне, словно в утешение ребенку.

«Теперь мы тебе дадим прикурить!»

На пленуме я видел уклончивые взгляды секретарей райкомов. Моему воспаленному воображению казалось, что на лицах написано: «Ты - выскочка! Выскочил тут из института, как из табакерки, и сразу…». И только Иван Тарасов, секретарь комитета комсомола Главульяновскстроя, прищурив хитрые глаза, не скрывал своих мыслей: «Ну что, теперь мы тебе дадим прикурить!».

В работу я включился «с аппетитом», хотя во многом был не готов. Отдал этому посту «ударную» пятилетку (до того более двух-трех лет здесь никто не задерживался, - сбылось пророчество Скочилова: «Будешь работать долго»). Чванства не проявлял, над своими ошибками работал, и в течение первого года как-то естественно наладились мои отношения со всеми комсомольскими зубрами города - Александром Беспаловым, Борисом Пекарским, Иваном Королёвым, Николаем Соловьёвым и другими лидерами молодежи. И, конечно же, горком тесно взаимодействовал с обкомом комсомола, первыми секретарями которого при мне были Юрий Горячев, затем Саша Исаев. В самом нашем аппарате работали всего восемь человек, но этой командой с помощью комсомольского актива мы проводили множество полезных мероприятий.

Первый секретарь горкома партии Александр Семенович Золотов меня опекал и «растил»: просил выступать на каждом пленуме и бюро ГК КПСС. Это оборачивалось бесконечными ночными сочинениями и переживаниями (а ведь у меня была семья). Но нет худа без добра: в той школе риторики и казуистики я на-

бил язык, стал просто записным оратором. Главное в таком деле - найти «изюминку», то есть острый критический поворот или интересное предложение, и вызвать оживление в зале, который заполняли солидные руководители.

В вузе были азы общественной, управленческой деятельности, здесь же - серьезные поручения и огромная ответственность. Навсегда запомнил крылатую фразу Золотова: «В комсомоле вы не работаете, а учитесь работать. Почему?.. Если какое-то мероприятие не получилось, то от этого народное хозяйство не пострадало. В следующий раз обязательно получится».

С обувной фабрикой, которая в то время строилась на кожкомбинате, у нас получилось. Рабочих рук не хватало, и мы с обкомом ВЛКСМ приняли решение объявить этот объект ударной комсомольской стройкой. Проводили субботники, направляли из сельских районов, с городских предприятий молодых специалистов, обучали их новым профессиям. Руководители, которых я уговаривал оказать помощь, ругались (везде был дефицит рабочих), однако решение общих задач всех сближало, и мы достигли цели.

К XVII съезду ВЛКСМ наш горком вышел с инициативой - собрать 17 внеплановых автомобилей. Нас здорово поддержал легендарный директор автозавода Иван Дмитриевич Маслов. Машин в стране не хватало, и молодежное соревнование не только помогало народному хозяйству, но и поднимало авторитет Ульяновска, куда на поклон за дефицитными «уазиками» стремились со всех концов Союза. Собранные во внеурочное время автомобили торжественно проехали по площади Ленина, а потом отправились по разнарядке ЦК ВЛКСМ на ударные комсомольские стройки страны.

В дни работы съезда для делегатов были организованы встречи в министерствах. Я сознательно записался на прием к министру легкой промышленности (отрасль в то время не считалась престижной). В высотке на Арбате Тарасов, возглавлявший «тяжелое» министерство легкой советской промышленности, после своего выступления спросил: «Вопросы есть?». А у меня как раз «с собой было» - были справки по нашим предприятиям. «Можно?». Тарасов, с которым мы однажды связывались по проблемам кожкомбината, не удержался: «Опять приставать будешь?!». «А как иначе? У нас на новой трикотажной фабрике комсомольско-молодежные бригады простаивают. Нет качественной иранской шерсти, а другую станки не тянут, много брака». «Сколько надо?.. Сколько-сколько? Ну, ладно, все-таки делегат съезда просит. Будет тебе шерсть». Когда мы вернулись со съезда, фабрика стала ритмично получать сырье, и качество ульяновского трикотажа ценилось далеко за пределами области.

Ярких событий случалось немало. На всю жизнь запомнилось возведение на волжском косогоре обелиска землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Это была поистине ударная народная стройка. Комсомол города ежедневно, с 8.00 до 24.00, а иногда и ночью, выводил на трудоемкие работы более тысячи человек. Обелиск возвели за три месяца и сдали к 9 мая. На открытии мне доверили выступить от имени молодежи.

Глубоко прочувствовал я и момент, когда к знамени комсомольской организации города за нашу активную работу прикрепили одну из двадцати памятных

лент ЦК ВЛКСМ, побывавших в космосе. А главной личной наградой стали, пожалуй, отчетно-выборные конференции. На них «с изюминкой» критиковали уже меня. Но итог подводило тайное голосование: наибольшее количество голосов, поданных персонально против Д. Афанасьева, было 17.

Воспитание ответственностью

Прошло четыре интенсивных года. Времени не хватало катастрофически. Прочитав ночами замечательную книгу «Воспитание ответственностью», я стал задумываться о своем будущем. Теряю профессию инженера-строителя, аспирантура пролетела… Надо двигаться вперед, сколько можно в комсомоле бегать? Старшие товарищи это почувствовали и в числе десяти посланцев области направили на учебу в заочную Высшую партшколу при ЦК КПСС.

Забегая вперед, скажу: шла очередная сессия, когда в Центральной клинической больнице умер Анатолий Андрианович Скочилов. Нашей группе, которую за успехи всегда отмечали столичные преподаватели, разрешили досрочно сдать экзамен. И на следующий день «птенцы» Скочилова летели вместе с его гробом. В аэропорту Ульяновска - море людей. Через грузовой отсек мы вынули гроб и на руках донесли его до машины…

Время шло. Я упорно хотел перейти на работу по специальности - на ДСК, к Александру Валентиновичу Иваницкому (позже он возглавил горисполком, а после смерти Бориса Александровича Ланцова стал секретарем обкома партии по строительству). Иваницкий организовал «орловскую непрерывку»: монтаж конструкции дома производился «с колес», по жесткому графику, три месяца - и пятиэтажка готова. Это был прогресс в индустриальном строительстве жилья, и мне в нем хотелось участвовать. Не сбылось... Как-то заворг горкома партии Павел Григорьевич Денисенко по секрету говорит: «А секретарем парткома на ДСК пойдешь?». Конечно! Но лето прошло, и неожиданно избирают другого. Я загрустил… Просился на родную «приборку» замом по строительству к Вячеславу Сергеевичу Зорину. Не отпускают…

И вдруг осенью вызывает Золотов: «Есть мнение рекомендовать тебя секретарем Ленинского РК КПСС. Скочилов твою кандидатуру одобрил. Маслов утвержден заведующим промышленно-транспортным отделом обкома». В резерве на его место был Мусатов, значит, я - вторым? Это вновь немного напугало: ну, не было такого, чтобы первых секретарей горкома ВЛКСМ избирали сразу секретарем райкома КПСС! К тому же еще одно условие выдвижения на большую партийную работу - хозяйственная школа, а у меня ее нет. «Отправьте меня на стройку», - попросил я обреченно.

Власть не дают, ее берут

В тот же день состоялось памятное в моей судьбе бюро Ленинского райкома партии. Золотов открыл его с улыбкой и со словами: «Власть не дают, ее берут. Через полчаса пленум, надо решить серьезный вопрос о первом в вашем районе. Предлагаю Афанасьева». Тишина. Я ошарашен: «Александр Семенович…» - «Сиди». Мусатов сразу склонился, молчит. Директор приборостроительного завода Зорин: «Это здорово! Он наш, более трех лет отработал токарем». Директор школы № 1 Семин: «Это поднимет авторитет комсомола города». Золотов - Мусатову: «А ты что, Виктор Николаевич, молчишь?». «Как

1977 год. Ульяновск. В кабинете первого секретаря Ленинского РК КПСС.

решили…». Секретарь райкома Князева тоже не решилась возразить: «Справится, мы должны ему помогать». Председатель райисполкома Максимов: «Поддерживаю». Золотов подытожил: «Ну что, выходим с единым мнением? Прошу на пленуме высказаться».

Когда на пленуме Золотов назвал мое имя, в зале захлопали. «Рано хлопаете, давайте голосовать!». Единогласно. «Вот теперь можно похлопать. Ну что? - ставит меня за председательское место. - Веди!». Провел, вроде, не комом. После пленума в приемной уже ждут директора заводов, секретари парткомов. Поздравляют, шутят: «Дмитрий Сергеевич (Димой раньше звали), на сухую, что ли?». Вынужден был обидеть мужиков - отказался. В душе у меня кошки скребли: ответственность-то за центральный район какая! На следующий день, чтобы снять напряжение свое и подчиненных, сказал Мусатову, Князевой, Максимову: я сюда не напрашивался, давайте вместе работать на результат.

В партийном райкоме прошла еще одна пятилетка моей жизни. Здесь уже надо было включаться в хозяйственную деятельность. Выполнение планов и производственных заданий, сроки ввода жилья обсуждались на каждом бюро.

Самым сложным для меня было давать оценку руководителям, которые не выполняли план, нарушали партийную дисциплину. В определенном смысле я слыл либералом. Многих журил, но учетные партийные карточки мы старались не портить, давали шанс. Хотя, бывало, своим устным воспитанием я затягивал заседания бюро, такая вот «новая метла»…

Не обошлось без смены кадров. Мусатова избрали председателем райисполкома, с его опытом он там был на месте. Вторым секретарем стал Леша Борисов (светлая ему память). Партактив района нам поверил, поддерживал все хорошие дела. Даже швейная фабрика им. Горького стала выполнять план по реализации. И через полтора года «ленинцы» за достижение высоких производственных показателей, регулярное выполнение планов и социалистических обязательств получили переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совмина, ВЦСПС и ЦК комсомола. Это было впервые за всю историю районной парторганизации.

Конечно, не все складывалось легко, были ошибки, просчеты. Я частенько получал от секретаря обкома партии Сазанова «на орехи». Теперь же, когда встречаемся в землячестве, Евгений Васильевич

по-отечески меня поддерживает и говорит: «Хорошо, инициативно, дружно работали».

Мне предлагали учиться в Дипакадемии МИДа СССР: два года учебы - и за границу. Но я отказался: очень не хотелось уезжать из Ульяновска, да и мои близкие серьезно болели. Заворг обкома КПСС Олег Владимирович Казаров прокомментировал мой отказ в свойственной ему манере: «Ну и дурачок!».

Наступила очередная отчетно-выборная кампания. Меня переизбрали на очередной срок, я собрался в отпуск. Вдруг за два дня до областной партконференции (в декабре 1980 года) приглашает первый секретарь обкома Иван Максимович Кузнецов: «Казаров уходит ректором политеха, а тебя хотим заворгом. С ЦК вопрос согласован. Сегодня же вылетай на беседу в Москву».

Кузнецов, Лигачёв, Колбин и другие

В новую работу я ушел с головой. С Кузнецовым отношения складывались непросто. В силу некоторых особенностей своего характера он ревностно относился к моей персоне, считал меня недостаточно опытным руководителем, воспитанником Казарова, сомневался в искренности моих намерений. Подозревал, что я неправильно информирую ЦК о положении дел в нашей области. За четыре года я не раз хотел хлопнуть дверью. Частенько ругался с ним по поводу известной его «слабости». И конфликт нарастал не только со мной.

О переводе Кузнецова замом министра в Минстройдормаш (понижение серьезное) нам сообщил секретарь ЦК Егор Кузьмич Лигачёв, который приехал в Ульяновск на пленум обкома. Но сначала состоялось закрытое бюро, где рядом с Лигачёвым впервые появился Геннадий Васильевич Колбин (ходили слухи, что в Грузии ему оставаться опасно). Заседание открыл Егор Кузьмич: «Прошу высказаться по поводу принятого решения и стиля работы Кузнецова». Второй секретарь обкома Самсонов, председатель облисполкома Большов, начальник управления КГБ Щелчков и другие старались говорить самокритично. «Ну, а ты чего сидишь, главный «разливала»? - обратился Лигачёв ко мне. - Ты больше всех знаешь». Я сказал, что, наверное, решение принято правильное, надо нам новую струю и т.п. Понятно, что был неубедителен. Когда все пошли на пленум, Лигачёв мне заметил: «Мог бы и пожестче высказаться в адрес шефа». «Нет, Егор Кузьмич, мы тоже не семи пядей во лбу»…

Уходить с работы без разрешения первого было не принято. Вечером я просидел допоздна, потом сам зашел в кабинет Колбина. Он что-то писал, взглянул поверх очков: «В семь утра буду на месте - заходи». Наступившая ночь не развеяла пустоту в настроении. Утром я пришел с заявлением об уходе: «Геннадий Васильевич, мне надо определиться с дальнейшей работой, профессию теряю». - «Я все знаю. В ЦК мне сказали, что могу на тебя опираться. Давай работать вместе».

Надо отдать должное, Колбин нас встряхнул. Мог в кратчайшие сроки добиться результата, каждый день расписывал детально, этого же стал требовать от других. Работал, как при капитализме, интенсивно, с жестким спросом. А мы - как при социализме, не всегда успевали за его инициативами…

Идеолог он был сильный. Активно взаимодействовал с прессой, интеллигенцией, боролся с коррупцией, семействен-

1979 год. Ленинский мемориал. 60-летие областной организации ВЛКСМ. Встреча комсомольцев разных поколений.

ностью, пьянством (причем к сражению с последним приступил на год раньше Михаила Горбачёва), начал обновление партийных характеристик областной номенклатуры.

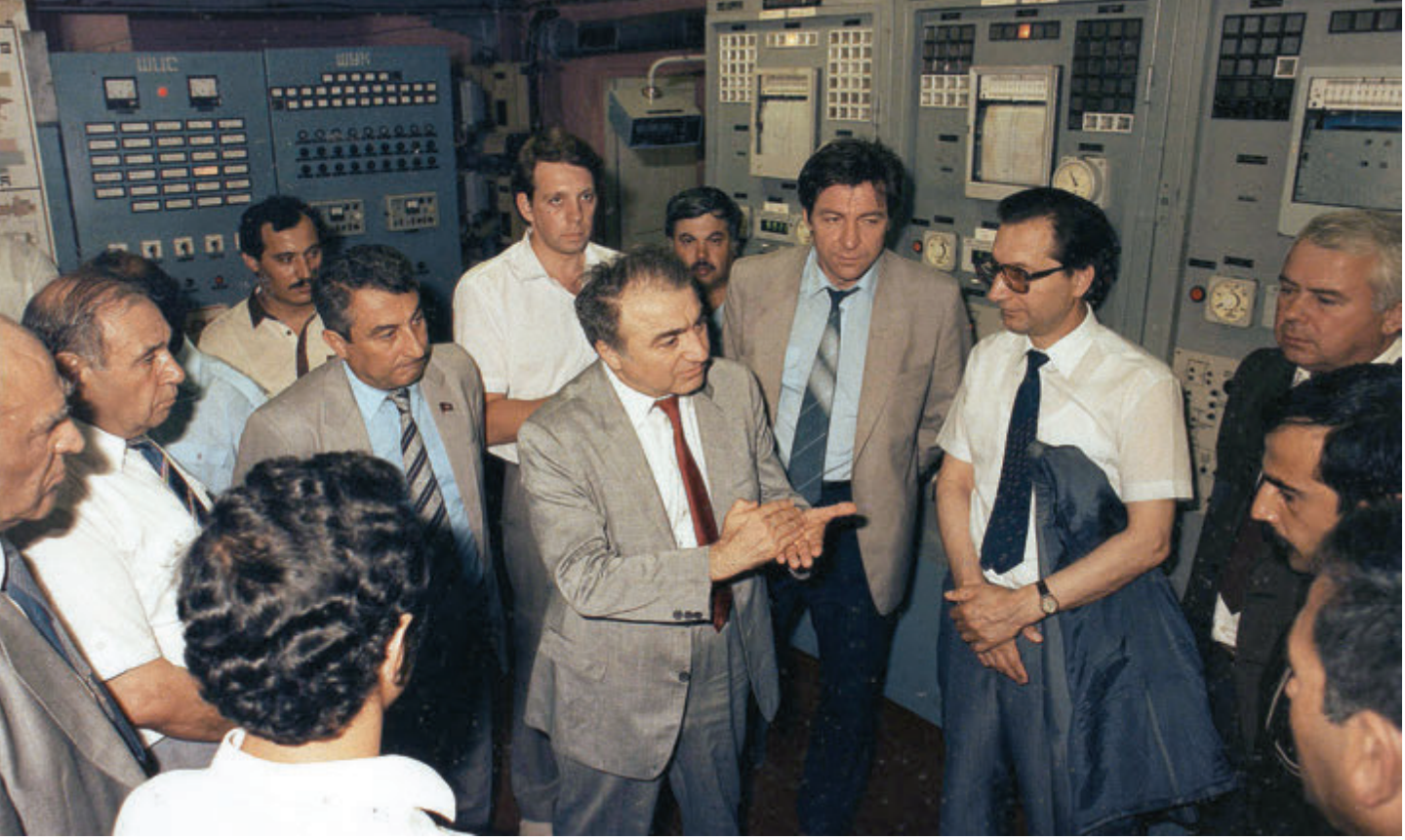
Характеристики обсуждались в первичных парторганизациях, на бюро обкома, о критике сообщалось в печати, что дало всем понять: должности получают не пожизненно. Материалы по освобождению руководителей Цильнинского, Инзенского и Ульяновского райкомов КПСС (последний возглавлял Горячев) я готовить отказался: районы выполняли все показатели, первые секретари пользовались авторитетом. Мы с Колбиным здорово по этому поводу схватились! Но каждый остался при своем мнении.

То ли ради «красного словца», то ли потому, что ульяновцы не были ему «родными», Колбин редко кого жалел. С показательным шумом освободили от занимаемой должности Виктора Федоровича Праведнова, директора успешно работавшего радиолампового завода и уважаемого в Ульяновске человека. Якобы после заводской партконференции он со своими замами устроил распитие спиртных напитков, и это в то время, когда обком объявил борьбу с пьянством. Были организованы публикации в областной и столичной печати, сообщение по Центральному телевидению.

То же Центральное телевидение позже с гордостью сообщило, что в канун XXVI съезда КПСС ульяновцами поднят «на крыло» первый самолет «Руслан». В этом, в создании Ульяновского авиакомплекса и нового города, также немалая заслуга Колбина.

Наверху вертикали власти

Отработали год. Как-то вечером Геннадий Васильевич вызывает: «Тебе завтра надо первым рейсом в Москву. Вероятно, хотят забрать на работу в ЦК. Я дал тебе хорошую характеристику». Это правда, я потом ее читал: «Честный, порядочный, отстаивает свою позицию, никогда не ставит личные интересы выше общественных...».

1988 год. Встреча с бакинскими нефтяниками (в центре - первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Абдул-Рахман Везиров).

В ЦК меня ждали в секторе Поволжья: «Вчера состоялось согласование твоей кандидатуры на должность инструктора Отдела организационно-партийной и кадровой работы. Лигачёв сказал - достоин». После «молотилки» Колбина в ЦК было посвободнее, поразмереннее. Но не рай. Ежемесячно по десять дней надо было проводить в командировках, иногда я месяцами не вылезал из регионов.

Мне дали курировать Куйбышевскую и Пензенскую области. Ульяновск с Пензой соревновались, этот соседний регион я представлял неплохо и быстро установил контакт с первым секретарем обкома партии Федором Михайловичем Куликовым. С Куйбышевской областью оказалось сложнее (я знал только, что Кузнецов был там когда-то секретарем обкома). Авиация, нефть, оборонка, космос (даже парторганизация космодрома Байконур стояла на учете в Куйбышеве), Волжский автозавод и другие гиганты индустрии, крупнейшие институты, уровень эрудиции кадров - вот что придавало вес будущей Самаре. Работали там без надрыва, характеристик не «обновляли», но результаты показывали хорошие.

Первый секретарь обкома Евгений Федорович Муравьёв, человек неординарный, с юмором и хитрецой, знавший себе цену и «ногой» открывавший двери к секретарям ЦК, вплоть до генерального, многие сложные вопросы решал легко, но к кадрам относился бережно. Во время первой нашей встречи он держался настороженно (чувствовалось, что Кузнецов дал мне характеристику «плохиша»). Нас сблизил откровенный разговор в следующий мой приезд. Через несколько часов беседы Муравьёв подытожил: «Ты же наш мужик, волжский, ульяновский, там плохих нет».

Понимали ли в ЦК ситуацию в стране? Знали, конечно, что происходит, информации было много. Когда Лигачёва избра-

ли депутатом Верховного Совета РСФСР от Тольятти, я только от его избирателей получал по 20-30 писем ежемесячно. Приходилось часто выезжать на места, принимать меры, менять кадры.

Кстати, о кадрах: с моей подачи в Москву стали «перезагружать» ульяновцев... В Ульяновске я был наверху вертикали власти. В Москве, естественно, не в верхнем эшелоне, но к моему мнению прислушивались. По крайней мере, я оказался единственным из инструкторов, кому объявили благодарность за работу с письмами и заявлениями граждан. В ЦК вообще редко кого благодарили (если не считать «за участие в подготовке и проведении съездов КПСС»).

Пекло с национальными особенностями

Постепенно я набирался опыта, отчего на душе становилось легче. Но тут «взорвалась» обстановка в Алма-Ате, куда возглавить ЦК направили нашего Колбина, а первым секретарем Алма-Атинского горкома - выходца из Казани Владимира Романова, который в ЦК курировал Азербайджан. Меня перевели вместо последнего, и предыдущая «жизнь с деятельностью» сразу показалась мне цветочками.

Я попал в пекло с национальными особенностями, начиналась эпопея вокруг Нагорного Карабаха. При назначении сказал, что не знаю традиций и языка, а мне, как в анекдоте, ответили: хорошо, что свой научился держать за зубами. Предупредили: «Не расслабляйся! Тебя могут спровоцировать и «купить» на любой мелочи».

Гейдара Алиева, ставшего первым зампредом Совмина СССР, на посту первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана сменил Кямран Багиров. До того он был секретарем ЦК по строительству, а в молодые годы занимался теннисом, входил в сборную Советского Союза.

Хорошо воспитанный, мягкий, застенчивый Кямран Мамедович, как мне показалось, жалел, что на него возложили столь большую ответственность. Если бы он был более решительным, многих бед можно было избежать.

Я быстро убедился в том, что Восток действительно дело тонкое: с «европеизированным» мышлением там работать нельзя. Даже для многих партработников, посты которых подпольно продавались, было неважно, что писали в газетах, сообщали по радио и телевидению, главное - чей ты человек и что «говорят на рынке». Поэтому я стал меньше говорить, а больше наблюдать.

Костер национальной вражды разгорался, начались митинги в Сумгаите и Степанакерте. Случились первые погромы с человеческими жертвами. Руководители Азербайджана и Армении в Москве обещали одно, а, вернувшись, мер не принимали, боялись местной оппозиции. В ЦК КПСС приняли уникальное решение: в один день, в одно время провести два республиканских пленума - освободить первых секретарей Карена Демирчана и Кямрана Багирова. Избрали Сурена Арутюняна и Абдул-Рахмана Везирова. Москва рассуждала так: оба когда-то были секретарями ЦК ВЛКСМ, сдружились, жены новых избранников - русские, дальние родственницы, будут встречаться, станет легче найти компромисс и подружить два народа.

Вторым секретарем ЦК КП Азербайджана стал Виктор Поляничко, ранее работавший в Отделе пропаганды ЦК КПСС и более трех лет бывший советником у

1989 год. Баку. На праздновании Дня Военно-морского флота.

президента Афганистана Наджибуллы. С Поляничко мы много работали вместе и не раз попадали в сложные ситуации. Однажды, когда обстановка в Баку стала критической, мы с Виктором более двух суток находились в осаде: здание ЦК окружили митингующие и хотели взять нас в заложники. А для устрашения подкатили две виселицы с нашими фамилиями на табличках...

Я почти постоянно находился в республике. И, кстати, в Степанакерте впервые познакомился с боевым офицером, будущим Героем России Владимиром Шамановым, который несколькими годами позже стал ульяновским губернатором.

В 1990 году на внеочередном пленуме ЦК Компартии Азербайджана первым секретарем был избран Аяз Муталибов, который стал жестко наводить порядок. Но в это время в Баку вернулся освобожденный от союзной должности Гейдар Алиев и начал оказывать огромное влияние на происходящие процессы. Ситуация выходила из-под контроля.

Вдруг мне звонят из ЦК: «В Ульяновске через два дня - областная партконференция, ряд районов и предприятий выдвинул тебя кандидатом в первые секретари обкома». Военным бортом, без разрешения, я прилетел в Москву. В ЦК сказали: ты нужен не в Ульяновске, а в Азербайджане, возвращайся. Я убедил руководство, что надо поблагодарить ульяновских коммунистов за доверие. В ночь вылетел на родину, остановился в гостинице «Октябрьская», пообщался с некоторыми руководителями. На следующий день выступил на конференции и снял свою кандидатуру. Вечером уже летел в Баку.

Спустя годы все понимают, что национальный «костер» раздувался не в Армении и, конечно же, не в Азербайджане, Москва здесь тоже оказалась заложницей. История все расставит по местам. Главное теперь - не нарушить мир в этом регионе.

Простые истины

Наступил август 1991 года. Роспуск КПСС, развал СССР. У меня - депрессия: как жить дальше, чем заниматься? Меня здорово поддержали семья, дети, друзья-земляки. Я пошел «по стране» в поисках работы. Пытался вернуться в Ульяновск. Приехал к Горячеву. Он, вроде, откликнулся: «Давай-давай, место найдем». Неделя проходит, звоню. Отвечает: «Думаю. Не спеши. Ты же хочешь стать губернатором…». Я все понял и больше не звонил.

Меня приглашали в аппарат «горбачевского» Верховного Совета. Отказался категорически: «Мороженым буду торговать, но не пойду». Я служил верой и правдой партии, а ее верхушка нас предала. Такого не прощают. В это время Поляничко стал зампредом Совмина России и позвал заняться с ним миротворчеством на Северном Кавказе. Но в Северную Осетию я ехать отказался, был сыт пережитым. (Виктор же вскоре там погиб, и убийство осталось нераскрытым, хотя утверждают, что это армянские боевики выполнили свой приговор). Так я оказался за воротами активной жизнедеятельности. К счастью, были у меня друзья из Уфы. По их просьбе я помог Башпромбанку открыть в Москве представительство и филиал, в которых проработал более десяти лет. Последние годы трудился в Ассоциации российских банков. Теперь живу во многом встречами с земляками. Приезжая в Ульяновск, переживаю, что во власти мало знакомых лиц, что регион, некогда один из лучших в стране по земледелию и животноводству, теперь не может обеспечить свои потребности в мясной и молочной продукции, что молодое поколение стремится в другие места… Но в лучшее - верю. Среди этого лучшего - островок земли ульяновской в Москве, наше землячество.

Спасибо всем!
(С главой землячества Г.А. Савиновым и бывшим ректором УлПИ В.А. Андреевым).

Что же сказать «под занавес»? Моя судьба, начавшись в ульяновской деревеньке Бухтеевка, продолжается в столице России. Для 16-го ребенка из крестьянской семьи это - головокружительный взлет, кто бы на нашей босоногой улице мог в военном 1943 году представить меня жителем главного города страны! Но, живя в Москве, я по-прежнему выше всего ставлю простые истины, почитавшиеся в нашем родительском доме: живи честно, любое дело доводи до конца, строже спрашивай с себя, помогай людям и умей прощать им ошибки.